

Тетяна Яковлева

ПРОРОКИ И ТРЕТЕЙСКИЕ СУДЬИ

(Відповідь на рецензію Віктора Горобця. –
УГО.– Вип.2. – С. 46-65).

Прежде всего мне хотелось бы высказать искреннюю благодарность всем авторам рецензий, которые появились за прошедшие два года с момента презентации моей монографии *«Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття»*. Мне известны пять¹ – заранее извиняюсь, если чья-то работа осталась мною неупомянута из-за того катастрофического положения с украинскими изданиями, которое сейчас сложилось в России. Рецензии очень разные по своей глубине и объему – от одной до 20 страниц, но каждая из них свидетельствует о том, что причины начала Руины остаются животрепещущими для историков, задевают их за живое и подстегивают к дискуссиям и спорам. Вобщем-то, именно такой и была задача монографии – ввести в научный оборот новые фактические данные, отвергнуть старые штампы, которые они опровергают, высказать свой взгляд на события и услышать мнения своих коллег. Конечно, автору всегда приятно, когда с его выводами соглашаются. Но споры тоже очень полезны – ведь именно они ведут в конечном счете к истине.

Однако очень жаль, что некоторые украинские историки по-прежнему рассматривают историю как арену идеологической борьбы, а не научного исследования. Отсюда и старинные шаблоны о «русском», «украинском» или «польском» взгляде на историю Украины, в то время как огромная историография этого вопроса опровергает столь узкую трактовку. На презентации книги в Киеве Наталия Яковенко сказала очень верные слова о существова-

нии целого ряда «точек зрения» – польская: новая и старая, украинская: державная и советская и т. д. – и высказала свою радость по поводу появления еще одной точки зрения – достаточно отстраненной от других. Именно поэтому первая рецензия г. Горобца (именно первая, так как уже во второй содержатся диаметрально противоположные выводы – о чем пойдет речь ниже) вызвала у автора полное несогласие и протест. И не из-за того, что он спорит с моими выводами, а из-за его подхода к вопросу. Автор никогда не претендовал на роль «пророка» (с которым меня почему-то сравнивает г. Горобец), но и не может принять его в роли третейского судьи.

Интересно, в каких симпатиях г. Горобец обвинил бы меня, если бы книга была опубликована под китайским псевдонимом? И откуда эта уверенность в своем праве решать – что есть объективный взгляд на события, а что – «русский» или «польский»? Откуда такая уверенность г. Горобца в своем праве выступать третейским судьей? Чего стоит только эта тирада: *...поза всяким сумнівом, ще не скоро дослідників із сусідніх країн можна буде без застережень вважати «відстороненими» від політичних впливів, а отже – абсолютно об'єктивними* (с. 65). Мне представляется, что каждый историк имеет право на свое мнение, и право каждого – соглашаться с ним или нет. Можно дискутировать и спорить, ссылаясь на факты. Но всякая попытка судить о чужом мнении с идеологической точки зрения – уже пахнет старыми временами. Автор в своей книге никак не ставил целью «развенчать» чьи-то взгляды, но пытался доказать неправомочность целого ряда укоренившихся схем – не важно, кто был их творцом. И по возможности – представить собственную, цельную концепцию событий. Ни в коем случае не претендуя на истину в последней инстанции, автор тем не менее настаивает на том, чтобы об этой попытке судили с точки зрения фактов и доказательств, а не с той – приятно ли это

или нет чьему-либо уху. Ведь соглашаясь с фактом существования украинского государства «Гетманщина», автор делает это не в угоду своим украинским друзьям (или на зло своим некоторым русским коллегам), а потому, что в этом ее убедили неопровержимые факты. Автора уже обвиняли в России в «украинском национализме» за использование терминов «Руина» и «Гетманщина». Теперь г. Горобец отказывает мне в возможности быть объективной из-за моего российского происхождения. Уважаемые коллеги! Позвольте мне иметь мнение Татьяны Яковлевой, неплохого специалиста украинской истории, которая родилась и выросла в Петербурге, училась в Канаде, защитила кандидатскую диссертацию в Киеве, имеет российское гражданство, лобит и уважает Украину. Или же только напомним о том, что мои предки в XVII веке жили на Киевщине и дружили с Выговскими и Немиричами, я получу у некоторых моих украинских коллег карт бланш на объективность?

Наверно, не имеет смысла отвечать на все 19 (!) страниц рецензии, тем более, что ряд из них содержит положительные отклики. Позволю себе остановиться только на моментах, которые представляются принципиальными.

Виктор Горобец не соглашается с тезисом, что в период гетманства Выговского старшинские уряды получили люди, которые не были связаны с «показачеными» ни происхождением, ни совместным участием в боях (Д. Выговский, В. Золотаренко, Я. Сомко, И. Нечай). Он неверно трактует это высказывание, доказывая, что шляхетское происхождение не является чужеродным казачеству (с. 53). Речь в книге шла совсем о другом (между прочим, В. Золотаренко и Я. Сомко были мещанами, а не шляхтичами). Все указанные выше лица не принимали участия в боях времен Хмельниччины. В отличие от своего брата Данила, И. Нечай был дипломатом, Д. Выговский вообще все звание получил благодаря заступничеству брата и же-

нитьбе на любимой дочери Богдана Хмельницкого, В. Золотаренко (в отличие от брата) и Я. Сомко опять-таки приблизились к казацкой верхушке благодаря своему положению шуринов Богдана. Никто из них не был «играющим» полковником или старшиной, добывшим свои посты в сражениях с поляками (в отличие от Ф. Джеджалия или И. Богуна), а потому они – крайне нелюбимые и не популярные среди казаков. Судьба каждого из них служит ярким тому доказательством. Приближая к себе этих людей, Выговский тем самым еще больше настраивал против себя массы «показаченных».

Явная путаница в терминологии происходит вокруг Зборовского договора. Виктор Горобец пишет, что следовало говорить о признании этим договором Гетманщины «де-юре», а не «де-факто», раз речь идет о юридическом документе (с. 51). Но дело в том, что в Зборовском договоре не было статей, с юридической точки зрения признающих независимость казацкой державы – то есть «де-юре». И наоборот, статьи, касавшиеся власти гетмана в трех воеводствах, столицы в Чигирине и ряда других тактически мирились с существованием Гетманщины и гетманской администрацией на ее территории. Поэтому в книге и говорилось о признании Зборовским договором независимости «де-факто». По моему мнению, понятия вассалитет (то есть обязанность нести определенную повинность, прежде всего военную службу²) и независимость также не противоречат друг другу. С юридической точки зрения, суверенитет определяется верховенством государственной власти внутри страны и ее независимостью во внешней сфере, то есть полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти государства на своей территории, исключаяющей всякую иностранную власть, а также неподчинением государства властям иностранных государств – «кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограниче-

ние своего суверенитета»³. Между прочим, Зенон Когут в своей рецензии на мою книгу о Гетманщине, упомянутой выше, говорит о «півнезалежній» державе, считая именно такую формулировку правильной.

Виктор Горобец многократно пишет об отсутствии у автора логики, а между тем сам явно ее нарушает. Он говорит, что проблема «показачивания» заключалась не в количестве новоявленных казаков, а в их обнищании. Но суть-то и заключается в том, что до начала Хмельниччины реестровые казаки жили за счет получаемого жалования, а когда количество казаков превысило несколько сотен тысяч, то они уже явно не могли вписаться в рамки оплачиваемого реестра (40 тыс. по Зборову или 60 тыс. по Переяславлю). Теперь, с одной стороны, не представлялось возможным собрать налоги (раз почти все объявляли себя казаками, то есть освобожденной от податей частью населения), а с другой – определить, кому следовало платить жалованье. В результате тысячи людей не получали ничего, а после окончания войны – потеряли и последний источник к проживанию. Так что первично: глобальный рост числа «казаков» или их обнищание?

Много нареканий вызывают у г. Горобца вопросы «казацких восстаний» времен Богдана Хмельницкого и Ивана Выговского. Не берусь судить о точности перевода термина на украинский язык, но речь идет о выступлениях против гетманской администрации – то есть «восстаниях» или «бунтах»⁴ (в работе использовались оба слова). Мой Оппонент также пишет, что восстания времен Хмельницкого *не супроводжувалися насильницькими діями, отже – не були повстаннями у традиційному сенсі слова* (с. 54). Между тем в работе цитируются слова Богдана Хмельницкого про бунт Сулимы: *...ныне в Гадячом и в Веприку и в иных городах некоторые мятежники, учиня смятение и много зло сделав, в землю его Царского Величества ходить начали и гетман именует их мятежниками и убойцами* (с. 81). Про

другие выступления тоже говорится: *побунтовав и много своровав; Хотят приходить... на гетмана... и на иных начальных людей... розграбить и побить...* (с. 82, 85). Как видим, речь идет несомненно о «насильственных» действиях. Кроме того, непонятна фраза г. Горобца, что ссылки на восстания приводятся по таким источникам, *достовірність яких ставит під сумнів сама Авторка* (с. 54). Между тем, источниками служат и такие документы, как письма самого Богдана Хмельницкого, и доклады русских послов. Только один документ поставлен мною под сомнение – и то его «прорусский» тон, а не фактологическая часть. Никаких сомнений не могут вызывать (и не вызывали у предшественников, включая М. Грушевского) восстания Сулимы, Неблядина или бунт в казацком войске времен похода на Ракочи. Суть моих доказательств в этом разделе книги сводилась к тому, что недовольство казаков стало проявляться еще при жизни Хмельницкого и лишь дошло до своего апогея в гетманство Выговского. Видимо, этот вывод настолько возмущает г. Горобца, что он всячески пытается – вопреки очевидности – отвергнуть доказательства автора.

Совершенно неожиданно для меня Виктор Горобец рассматривает как национальное оскорбление вопрос, который задан в книге: *чому царський уряд не знищував у зародку бунти в Україні так, як це робилося в Росії?* И следует жесткая отповедь автору: *Адже, згідно з договором 1654 р., Україна не перетворювалася на складову частину Московської держави, а зберігала повну політичну автономію* (с. 54). Приношу свои извинения обеим сторонам, но царское правительство плевать хотело на все договора и автономии, когда речь шла об интересах Москвы. Этот вопрос ставился мною не с точки зрения юридической правомерности, но с позиции политической целесообразности. Прием в Москве посольств Пушкаря и Барабаша (то есть фактическая их поддержка) являлся самым открито-

венным и грубым вмешательством во внутренние дела Украины. Именно то, что послы принимали и слушали, а не задерживали или выдавали гетману, как того требовал Выговский, было результатом политики Москвы на ослабление гетманской администрации, если хотите – примером прямого воздействия и вмешательства во внутренние украинские дела. Царскому правительству были на руку бунты Пушкаря-Барабаша, поэтому оно и не собиралось их пресекать. Именно с этой точки зрения ставила свой вопрос автор, и считает его полностью правомерным. Москва совершенно не вспоминала о статьях договоров, когда годом позже брала Левобережье, казнила Д. Выговского или ссылала в Сибирь И. Нечая.

В роли «третейского судьи» выступает г. Горобец и тогда, когда рассматривает мою оценку казацкой старшины. Так, когда его мнение по поводу Ивана Выговского совпадает с мнением автора, он пишет, что это *цілком слушно* (с. 54), а когда наши мнения об А. Ждановиче, И. Богуне, П. Тетере, И. Груше или Ю. Немириче расходятся – то сразу же следует обвинение в *рецидивах заангажованої історії* (с. 54). При этом совершенно не берется в расчет множество новых фактов, приведенных и о Груше, и о Тетере. Ну что же делать автору, как избежать «штампов», если эти двое действительно во всей своей карьере, как показывают многочисленные факты, ориентировались на Польшу? Точно также сложно высказать новое мнение о Юрии Немириче (между прочим, не считаю, что моя характеристика его как *политического авантюриста* и г. Горобца – как *дуже яскравої постаті української історії XVII століття* противоречат друг другу). Да, у меня не вызывает личных симпатий человек, прославившийся убийствами, затем подряд в течение нескольких лет менявший ориентацию (а заодно – и веру) с казацкой на польскую, на шведскую и снова на казацкую. Да простят меня мои коллеги за субъективность, но разговор о каких-либо

высоких принципах или идеалах, кроме личных интересов этого безусловно выдающегося человека, автору представляется более чем надуманным.

Громы и молнии на голову автора вызывает у г. Горобца факт, что она не увидела в Гадячском договоре *принципово новий підхід до розв'язання українсько-польського конфлікту – через утворення рівноправної руської складової...* (с. 63). Остается только высказать сожаление, что рецензенту в пылу гнева не удалось увидеть мою главную мысль, заключенную в главе о Гадячском договоре. Дело в том, что идея «Княжества Руського» не вошла в окончательную редакцию (то есть ту, которая имела юридическую силу) договора! Поэтому автор и пишет: *...всі розмови про Князівство Руське залишилися розмовами...* (с. 318), *... можна захоплюватись першим варіантом угоди, але такий підхід неісторичний* (с. 320). В книге даже прослежена история возникновения идеи «Княжества Руського», но не состоявшийся в таком виде договор остался лишь бумагой, не имевшей силы. И анализу подвергается в основном сам Гадячский договор – тот, что имел юридическую и политическую силу, но не включал в себя положений о «Княжестве Руськом». А противопоставление первых версий договора Зборовскому договору – не исторично.

Виктор Горобец не без удовольствия отвергает «эффектный», по его выражению, тезис автора, что избрание Юрия Хмельницкого гетманом свидетельствовало о поражении сторонников Пушкаря-Барабаша. Он ссылается на то, что среди лидеров, избравших Хмельницкого, был И. Сирко, а значит – запорожцы, сторонники Пушкаря-Барабаша (с. 64). Вынуждена совершенно не согласиться с таким заявлением. Иван Сирко никогда не представлял собой «барабашевскую» часть Запорожья – наоборот, в дальнейшем выступал оппонентом Брюховецкого, занявшего место Барабаша как лидера лоппенизированной части запорожцев (уже осенью 1663 г. их отношения до-

шли до прямых столкновений). Сирко был безусловно близок к «государственной группировке» и, будучи долгое время полковником кальницким (в частности, он занимал этот пост зимой 1659-1660 г.)⁵, имел тесные связи с «городовой» старшиной. Удивительно, что ссылки на Сирко хватило г. Горобцу, чтобы отвергнуть детальные доказательства автора, почему именно антипушкарская группировка избрала гетманом Юрия Хмельницкого (при этом заявления самого нового гетмана он тоже оставляет без внимания).

В заключение хочется высказать недоумение по поводу появления двух совершенно противоположных по духу рецензий одного автора. Вряд ли такую принципиальную разницу можно объяснить соавторством второй рецензии с Тарасом Чухлибом. Так, оценки ряда разделов книги во второй рецензии являются исключительно положительными, в то время как в первой – остро критическими. Виктор Горобец доходит до того, что заканчивает обе рецензии диаметрально противоположными ответами на рецензию Д. Наливайко (*...цікава й ґрунтовна праця заповнює велику лакуну у вивченні історії України*). В первой рецензии про слова Д. Наливайко говорится: *Не можна також цілком погодитись... Адже лакуни, як такої, і не було... Чи вдалося петербурзькій Авторці прорубати в них свою стежку? До певної міри – так, до певної – ні* (с. 65). Во второй же рецензии г. Горобец со своим соавтором пишет: *Отже, незважаючи на висловлені нами критичні зауваження, підтримуємо висловлені у післямові до книги слова члена-кореспондента НАН України Д. Наливайка, що «...праця заповнює велику лакуну у вивченні історії України» й буде, на нашу думку, сприяти зближенню наукових інтересів істориків України та Росії* (с. 123).

Как уже говорилось, г. Горобец категорически отвергает у автора наличие логики: *На жаль, концептуальна стрункiсть і логiчнiсть викладу не належать до сильних сторiн книги п. Яковлевої* (с. 50). Позволю себе заметить,

что последовательность в изложении собственного мнения явно не относится к достоинствам моего коллеги. Хотелось бы пожелать ему сперва определиться в своем отношении к книге («за здравие» или «за упокой») и уже только после этого обвинять автора в отсутствии логики.

¹ Пепа В. *Кому дано розуміти.* – С. 11; Горобець В. *Немає пророка у своїй вітчизни. А в чужій? (Історія Української Руйни в інтерпретації російської дослідниці).* – УГО. – Вип. 2. – С. 46-65; Когут З., Болгарова М. Ю. // *Наукові записки НаУКМА.* – К., 1999. – Т. 14. – С. 115-117; Горобець В. М., Чухліб Т. В. *Історія української Руйни – очима російського історика* // *Наукові записки НаУКМА.* – К., 1999. – Т. 14. – С. 118-123; Когут З. *Державотворчі державошукування* // «Критика». – 2000, ч. 6 (32). – С. 48.

² *Большой юридический словарь.* – М., 1997. – С. 71.

³ Там же. – С. 663-664.

⁴ «Бунт» – стихийное восстание, мятеж: Ожегов С. И. *Словарь русского языка.* Изд. 9-е. – М., 1972. – С. 60. «Восстание» – массовое вооруженное выступление: Там же. – С. 92.

⁵ ВСз, 402, ф. 369-371.